

Polylogos. 2013-2024

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 3 Volume 6. 2022

The city as a palimpsest: the phenomenon of “empty places” in the urban environment

Veronika Sharova

Institute of Philosophy RAS

12/1 Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation

Abstract

The article attempts to analyze, within phenomenological optics, the phenomenon of "empty places" in the city, which, in turn, is understood as a specifically organized space of human life. In an interdisciplinary way, at the intersection of theoretical urban studies, memory studies and political philosophy, the relationship between space, place and emptiness in the urban environment, is considered. Based on the concepts of Simmel, Heidegger, Bachelard and others, the author comes to the conclusion that the city is a kind of "palimpsest", the memory of which arises under the influence of not only those elements of the environment that exist in the actual visual experience of everyday life, but also remain only in the format of “ruins” or “spectres”, which at the same time have significant symbolic content in the context of the everyday urban landscape, including the landscape of a post-socialist city.

Keywords list (en): philosophical urban studies, phenomenology of architecture, post-socialist city, spaces of memory, space and place, non-places, ruin, ghost, eerie, memogination

Date of publication: 31.10.2022

Citation link:

Sharova V. The city as a palimpsest: the phenomenon of “empty places” in the urban environment // Polylogos. – 2022. – V. 6. – № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110022905-7-1/>. DOI: 10.18254/S258770110022905-7

*Теперь так мало греков в Ленинграде,
что мы сломали Греческую церковь,
дабы построить на свободном месте
концертный зал. В такой архитектуре
есть что-то безнадежное.*

(И.А. Бродский. Остановка в пустыне. 1966)

3 Как отмечалось в предыдущей статье, посвященной практикам коммеморации в постсоциалистическом городе, для понимания механизмов динамики восприятия и идентичности такого города есть смысл обратиться к вопросу о соотношении *присутствующего* и *отсутствующего* в визуальном опыте повседневности¹. Мы будем работать с понятиями территории, пространства, присутствия, пустоты; начать же, на наш взгляд, стоит с феномена *места* как такового.

4 Наше внимание сосредоточено на современных сюжетах; при этом сложно игнорировать тот факт, что категория места – одна из старейших, исследованных в контексте философского знания: «существует оно или нет, и как существует, и что оно такое» – этими вопросами относительно места (*ho topos*), задаётся Аристотель в «Физике»². Отсылая к строкам Гесиода:

5 *Прежде всего возник Хаос, а уж затем
Гея широкогрудая...*

6 Аристотель приходит к выводу, что «место представляет собой нечто наряду с телами и что всякое чувственно-воспринимаемое тело находится в [каком-либо] месте... если место существует, трудно решить, что оно такое – масса ли тела или какая-нибудь иная природа, ибо прежде всего надо установить его род. Оно имеет три измерения: длину, ширину и глубину, [т. е. те самые измерения], которыми определяется всякое тело...»³ Эти позитивные характеристики места всё же не снимают, следуя аристотелевской логике, условного наклонения («если место существует» (курсив мой – В.Ш.)) в размышлениях об устройстве пространства, и те же сомнения распространяются на противопоставленную месту пустоту. «Пустота действительно кажется местом, в котором ничего нет»⁴. Эта кажимость нам понадобится в дальнейшем. Релевантной для подобных размышлений представляется феноменологическая оптика: ею мы стартуем, но не ограничимся.

7 В своей ранней (1922 год) работе «Феноменологические интерпретации Аристотеля» Хайдеггер упоминает *местопребывание* (*Aufenthalt*) в качестве необходимого этапа становления «бытия-в-мире»⁵. Категория пространства выступает необходимым условием «встречи с миром» (как отмечает в связи с этим Н. Ищенко, у Хайдеггера понятие пространства выступает «способом конституирования бытия»⁶). Визуальный опыт обретает черты экзистенциального переживания: Хайдеггер, далее интерпретируя Аристотеля, использует понятие «обзорное усмотрение» (*die Umsicht*) для описания «определенности предметных

связей мира в отношении их облика»⁷. Обзорное усмотрение, по мысли философа, выступает как способ или механизм прочтения мира, а именно: «поставляет жизни ее мир как истолкованный согласно тем аспектам, в которых мир встречается и ожидается как предмет озабочения (Besorgnisgegenstand), в которых мир поставлен в качестве ряда задач, и в которых к нему прибегают как к убежищу (Zuflucht)»⁸.

⁸ Истолкование/убежище; если не рядоположенность, то *рядом-положенность* этих понятий, как представляется, даёт нам дополнительный угол зрения в контексте размышлений об устройстве обитаемого пространства. Как из него, изначально неограниченного, выхватывается место жизни и обзревается/прочитывается как таковое? В хайдеггеровском тезаурусе понятие *захват места жизни* (die Standnahme des Lebens)⁹ встраивается в этот смысловой ряд.

⁹ О соотношении места, пространства и жительства (Wohnen)¹⁰ Хайдеггер продолжает размышлять в эссе «Строительство жительство мышление», написанном уже в 1954 году (на основе доклада 1951 года, прочитанного для аудитории, преимущественно состоящей из архитекторов – на симпозиуме «Человек и пространство» в Дармштадте). Спустя долгое время философ возвращается к сюжетам и образам, лёгшим в основу «феноменологии архитектуры», как её обозначает Кристиан Норберг-Шульц, один из главных представителей этого направления в XX веке¹¹. В подобном ключе Хайдеггер рассматривает феномен строительства: не с «точки зрения архитектурного мастерства или инженерного искусства». Строительство должно быть возвращено «обратно в область, к которой принадлежит все, что *есть*»¹².

¹⁰ Всё, что есть, соответственно – присутствует в месте жизни, или, в данном случае, «“на земле” уже означает “под небом”. И то, и другое означает также совместность “пребывания перед божественным” и включает “принадлежность друг к другу”... Земля, служащая носительница, цветущая подательница плодов, раскинувшаяся в камнях и потоках, плодящая всходы и зверье», почти с аристотелевской интонацией уточняет Хайдеггер.

¹¹ Нас же по-прежнему больше интересует *то, чего нет* в этом пространстве, определенном для жизни.

¹² Отправной точкой наших рассуждений является следующее предположение: обитаемая среда вообще и городская среда в частности – это текст; текст, который может быть прочитан отчетливо или сбивчиво, плавно или по слогам, он может быть интерпретирован, переведен, расшифрован, заучен или забыт. В городе мы наблюдаем вымаранные из текста строки – пустые места, прирастающие новым содержанием, которое может коррелировать с предыдущим, противоречить ему или находиться с ним в каком-либо ином соотношении. Город – это палимпсест.

¹³ Башляр пишет: «... с принятой нами точки зрения философии литературы, философии поэзии, есть смысл в таких выражениях, как «запись комнаты», «прочтение комнаты», «прочтение дома». Едва открыв стихотворение, почти сразу, с первых же слов читатель, «прочитывающий комнату», прерывает чтение и погружается в размышления о каком-то прежнем жилище»¹³. Этот образ *считываемого пространства* мы проецируем на предмет наших размышлений.

Есть ли возможность восстановить подлинный текст? И что, при обнаружении такой возможности, считать критериями подлинности?

¹⁴ Подобные вопросы уводят нас в плоскость исследований памяти: учитывая то впечатляющее методологическое разнообразие, которое существует в настоящее время в науке в отношении *memory studies*, мы, со своей стороны, полагаем, что опыт философско-литературного исследования задает угол зрения, перспективный для дальнейших размышлений¹⁴. Мы предлагаем использовать в этом отношении оригинальное понятие *memogination*, которое, на наш взгляд, достаточно удачно совмещает в себе смыслы «памяти/*memory*» и «воображения/*imagination*» не ради компактности формулировки, а с целью того, чтобы подчеркнуть, что два этих механизма освоения жизненного мира и присутствия человека в нем совмещаются в пространстве символического, рождая новые образы и смыслы, особым способом воспроизводящие реальность прошлого в настоящем. Это и есть, в частности, та поэтика пространства, которую описывает Башляр: «Каждый мог бы рассказать о своих дорогах, перекрестках, скамейках. Каждый должен составить кадастр утраченных ландшафтов... Так мы храним в себе мир чертежей нашей жизни. От них не требуется особой точности. Они должны лишь соответствовать по тональности характеру нашего внутреннего пространства»¹⁵.

¹⁵ Предположим, что утраченный ландшафт – лишь один из вариантов пустотности в обитаемой среде; например, пустота разрушенного места: руина. Далее рассмотрим также, что собою представляют *пустое утопии* и *пустое после катастрофы* с учетом социально-политических аспектов таких ландшафтов – в частности, в постсоциалистическом городе.

¹⁶ Зиммель, обращаясь к феномену руины, приходит к выводу, что это, по сути, промежуточное состояние между заполненным местом и местом пустым: особое состояние объекта, символизирующее дисбаланс между материальным и духовным, между формой и идеей: «равновесие между механической, тяжелой, пассивно противодействующей давлению материей и формирующей, направляющей ввысь духовностью нарушается в то мгновение, когда строение разрушается»¹⁶. Предположим следующее: в руине, как и в том, что предшествовало ей (и подверглось разрушению), в определенном соотношении присутствуют три основания жизни человека в среде: природное, техническое, социальное; по Зиммелю, в этом случае «силы природы начинают господствовать над созданием рук человеческих: равенство между природой и духом, которое воплотилось в строении, сдвигается в пользу природы»¹⁷.

¹⁷ В городской среде, в том числе в постсоциалистическом городе, мы можем наблюдать различные типы руинирования. Самобытный пример «старого города» (не только хронологически) – район Конд в Ереване, руинированный естественным образом и именно в силу этого обретший характерный для него колорит: наслоения эпох, техник строительства, деталей быта различных культурных и субкультурных сообществ и так далее. В контексте специфики городской среды, как нам представляется, есть смысл разводить понятия «руинированного» и «трущобного»: в этом смысле называть районы, подобные Конду, трущобами, неверно¹⁸. Характерный пример – мечеть Тапабаши,

построенная в XVII веке и превратившаяся со временем в жилое здание, несмотря на обрушившийся купол. По свидетельству А. Тащян, «На его месте жители высадили сад, и корни деревьев, прорастая сквозь крышу, разрушают кладку все больше и больше»¹⁹... Так на практике подтверждаются предположения Зиммеля о превращении архитектурного в природное в результате процессов, где человек становится соучастником природы в разрушении (или преобразении) рукотворных объектов: зданий, сооружений, произведений искусства, которым присуще все то «проблематичное, волнующее, часто невыносимое, что мы ощущаем, видя эти выпадающие из жизни пристанища, служащие обрамлением жизни»²⁰.

¹⁸ Руина, в отличие от трущобы, не лишена духовного содержания. Это обстоятельство Зиммель описывает в терминах и категориях конфликтности: с одной стороны, руина свидетельствует о нарушении равновесия между природой и духом, с другой – она же являет собой новую форму существования физического объекта в среде: «На одном полюсе типичного конфликта между природой и духом находилась чисто внешняя форма или символ: очертания горы, определяемые ее разрушением. Но на другом полюсе бытия этот конфликт находится полностью в человеческой душе, этой арене борьбы между природой, каковой является душа, и духом, который также является ею». Вопрос, поставленный социологом (и им же мы невольно задаемся, глядя на руины, что бы они собою ни представляли): до какой степени нечто должно быть руинировано, чтобы сохранить свое бытие формой (какой-нибудь; в сущности, какой угодно)? Возможно, только если руина нам что-то *напоминает*, она является полноценным средообразующим элементом; в этом случае, правда, мы вынуждены мысленно занимать позицию наблюдателя, рассуждать от потенциального субъекта: где проведена символическая, воображаемая граница между природным (камни, растения) и рукотворным (дома, храмы, общественные сооружения). Или, по Зиммелю, «до тех пор, пока еще можно говорить о руине, а не о куче камней, природа не низводит творение человека до бесформенной материи; возникает новая форма, с точки зрения природы вполне осмысленная, понятная и дифференцированная... там, где руина разрушена до такой степени, что неспособна создать ощущение ведущей вверх тенденции, ее метафизически-эстетическое очарование исчезает»²¹.

¹⁹ Обратная сторона вопроса о сути и смысле руин – феномен «города-музея». Целесообразность и возможные/желательные пределы музеефикации прошлого – слишком обширная тема, чтобы можно было затронуть ее в этом тексте сколь бы то ни было полноценным образом. Обширную эту тему можно разворачивать в самых разных плоскостях и на многочисленных примерах (от борьбы футуристов и авангардистов начала XX века с классическим наследием, расцениваемым не иначе как «мертвечина», до современных нам дискуссий о судьбе памятников «колониальной эпохи» в Европе, Америке и так далее). Вопрос можно уточнить следующим образом: что в городе заслуживает памяти, а что может или даже должно быть уничтожено? В реорганизации городского пространства, во внедрении в него новых сценариев планировки, стилей домостроения, монументов и так далее, являет себя перформативное высказывание власти, наподобие такого: «теперь это [место] – объект национального наследия / памятник / мемориальное место» – очередной фрагмент городского текста; равно как и элемент действующего дискурса власти²².

20 Метафора «призраков» вносит еще один акцент в размышления о том, как формируется память в городском пространстве. В частности, Мишель де Серто обращается к истории и символике Парижа, обосновывая соответствующую концепцию. В подобных «призраках» встречаются – и, разумеется, конфликтуют друг с другом – образы будущего города и его прошлого; стратегия развития становится стратегией «реабилитации национального наследия»²³. «Хорошенько обдумав очертания города будущего, разве не начали мы рассматривать его в прошлом как пространство само по себе, пространство для путешествий, для погружения в его истории?» – задает вопрос философ, противопоставляя Париж (несмотря на османовские реформы, все же это «старый город») Нью-Йорку (город, лишенный всякого намека на старину – не столько хронологически, сколько, опять же, символически). И даже «“очажки сопротивления” упрямого прошлого... полагалось зачищать до *tabula rasa*... Лозунг тогда был простой: “Мы ничего не желаем об этом знать”. Пережитки необходимо уничтожить, чтобы поставить на их место что-то другое. Такое городское планирование принесло разрушений даже больше, чем война», констатирует де Серто.

21 *Tabula rasa* может быть и буквальным пустым местом – строительной площадкой, предназначенной под новое строительство; но выше мы подчеркивали, что нас прежде всего интересует пустота такого рода, на которой не задерживается взгляд прохожего – за ненадобностью; эта деталь городского ландшафта попросту ничего не означает. При этом в ней, вероятно, нет ничего странного или чуждого; эти свойства, напротив, присущи «призракам» в городе: «...призрак зачинается именем “национальное наследие”. Странность и чуждость становится оправданием его существования»²⁴.

22 Де Серто вводит понятие «жуткого» применительно к такой ситуации, когда основой или, во всяком случае, заметной составляющей визуальной повседневности становятся именно *старые вещи*: «В них скрывается нечто жуткое²⁵, и оно прорывается в будни города. Это призраки, которые отныне регулярно являются системе городского планирования». В свою очередь, современный теоретик архитектуры Энтони Видлер использует понятие *uncanny* («жуткий», также и «сверхъестественный», «зловещий») для описания подобного восприятия архитектурных объектов и прочих вещей для жизни, наводящих при этом на мысли о чем-то небезопасном, ненормальном и подозрительном. По замечанию Видлера, архитектура давала пищу для подобных мыслей с конца XVIII века (действительно, сложно не вспомнить в связи с этим о пустующих на протяжении долгого времени домах с привидениями, которые намного больше ассоциируются с «историческим наследием», чем с современными зданиями); но при этом и «лабиринты пространств современного города истолковывались как источники современной тревоги, от революции и эпидемии до фобии и отчуждения», добавляет Видлер²⁶.

23 Рассматривая постсоциалистический город как особую разновидность городского пространства – имея в виду тип его планировки, топонимики, архитектурного облика, влияющих, в свою очередь, на специфику соответствующих коммеморативных практик – мы полагаем, что концепция «призраков» получает здесь достаточно убедительное подтверждение. О так называемом «туризме духов», в частности, пишет польский исследователь Филип

Лех, апеллируя к примеру Варшавы – города, чей внешний облик (а вместе с ним и идейные и духовные смыслы) неоднократно драматически трансформировался на протяжении по крайней мере последних двух веков. «Туризм духов», по замечанию Леха, изначально предполагает некоторые «онтологические проблемы»: «ведь не можем же мы оказаться в здании, которого уже нет»²⁷. Наблюдатель, таким образом, может лишь оказаться вблизи прошлого: в этом случае, конечно, механизмы *memogination* вынужденно работают по принципу воображения *par excellence*, а не фактической памяти, но результатом может быть то, что мы *склонны считать* подлинной памятью о месте.

²⁴ Пространства современных постсоциалистических городов демонстрируют нам немало примеров того, как новый город создавался на месте посткатастрофических пустот (в особенности после революций и двух мировых войн XX века). В Варшаве, под конец Второй мировой войны практически стертой с лица земли, таким примером является район «за железными воротами» в центре города: до войны на этом месте находилось еврейское гетто (полностью уничтоженное в 1942 году), а на рубеже 1960-1970 гг. эта опустевшая и разрушенная территория застраивалась в стиле социалистического модернизма, в результате чего здесь появились почти два десятка пятнадцатизэтажных домов в узнаваемом «бетонно-панельном» стиле, характерном для всего бывшего *Ostblock*. «Железных ворот уже нет, но они все еще по-своему существуют в пространстве города», констатирует Лех²⁸.

²⁵ В этом с ним солидарна польская исследовательница Габриэла Швитек. Район «за железными воротами» она рассматривает как «возможное собрание объектов памяти и практик»²⁹; апеллируя к хайдеггеровской онтологии и одновременно к «хонтологии» Жака Деррида, она предлагает расценивать подобные места в городе в качестве «призрачного места»³⁰. «Если город помнит исключительно посредством своих зданий, нет практически ничего, о чем можно помнить в районе «за железными воротами»: часть стены гетто, фрагменты первоначального тротуара и рельсов, несколько зданий. Можно также проследить другой нарративный путь вдоль современных улиц и площадей района «за железными воротами»; это была бы прогулка в поисках исчезнувших мест», подчеркивает Швитек³¹.

²⁶ Другой вариант использования пустых мест и интеграции их в пространство города – то, что мы могли бы назвать *пустым утопии* (что само по себе звучит несколько тавтологично). В этом случае процесс реорганизации места следует за идеей; расширение города в пригород осуществляется в порядке социального и архитектурного эксперимента, в свою очередь, следующего плану³².

²⁷ Первая и вторая волны архитектурного модернизма в этом смысле достаточно заметно отличаются друг от друга. На первый взгляд, может показаться, что первая волна (новые жилые и общественные здания в Москве, возведенные в 1920-1930-е гг. в стиле конструктивизма) была намного больше вдохновлена социально-политической идеей «нового города для нового человека», а стиль второй волны – начавшейся с конца 1950-х гг. и длившейся, с некоторыми оговорками, почти до конца советского проекта – был продиктован по большей части лишь соображениями экономии и скорости строительства. Но это не вполне

так. Действительно, движущей силой социально-политических преобразований 1920-х гг. была вера в возможность радикального обновления общества; но ожидания перемен в эпоху Оттепели также дали импульс архитектурной теории и практике 1960-1970-х гг. (сыграли определенную роль и заверения власти о реальности построения коммунизма к 1980 г.). В архитектуре и городском планировании эпохи «совмода» заметно присутствие антропологического, человекоцентричного измерения (а не «государствоцентричного», как это было в случае с проектами авангарда). «Каждый человек при коммунизме будет иметь реальную и равную возможность свободно и гармонично развивать свои способности и применять их в творческом труде. Человек как творческая личность — в центре внимания коммунистического общества. С точки зрения проблемы расселения это значит, что где бы человек ни жил при коммунизме, он будет иметь одинаково благоприятную общественную и материальную среду для своего развития и творчества», так описывали свое видение будущего города молодые архитекторы, авторы проекта «Новый элемент расселения» (НЭР) в 1966 году³³.

²⁸ На примере Москвы, в частности, мы можем заметить, что первые конструктивистские кварталы встраивались в плотную застройку центра старого города (Арбат, район Тверских улиц) или размещались на периферии центра (Хамовники: в частности, сохранившиеся кварталы вокруг станции метро «Спортивная»). После войны ситуация меняется не только в части пресловутой «борьбы с излишествами», но и вследствие того, что заполнение последних свободных участков в капитально застроенных районах Москвы шло параллельно с освоением свободных периферийных территорий: свои «черемушки» появлялись в районах Измайлово, Хорошево и других³⁴. Город теперь располагался не только там, где было что-то *прежнее*, но и там, где — с точки зрения урбанистики — *вообще ничего не было*.

²⁹ Проблематичным также является наличие в пространстве современного города так называемых «не-мест» — обладающих (порой даже избыточно) физическим выражением и в этом отношении не пустых, но лишенных достаточного идейного наполнения: пустых символически. Концепция «не-мест», предложенная французским антропологом Марком Оже в контексте его теории «гипермодерна», предполагает наличие в пространстве современного (гипермодерного?) города объектов того особого типа, которые, будучи наделенными вполне конкретным функционалом («быть аэропортом», «быть торговым центром» и т.д.) лишены собственно свойства «быть местом». Пойдем от противного: то, что Оже называет «антропологическим местом», обладает рядом свойств. «Они стремятся быть — люди стремятся сделать их — местами идентичности, отношений и истории. План дома, правила проживания, кварталы в деревне, алтари, общественные места, разграничение земли соответствуют в жизни каждого совокупности возможностей, предписаний и запретов, содержание которых и социально, и пространственно. Место является местом в той степени, в которой его обитатели могут узнать в нем приметы и вехи, не обязательно являющиеся объектами познания», — поясняет Оже³⁵. Соответственно, можно сделать вывод, что «не-место» ни одним из этих свойств не обладает. Оно вне-антропологично — внекультурно. Проблема не-мест выводит нас на одну из фундаментальных проблем социальной философии — проблему отчуждения.

30 Здесь также сложно не усмотреть и перекличку с Хайдеггером: «не каждое здание является жилищем. Мост и аэропорт, стадион и электростанция являются зданиями, но не жилищами; железнодорожный вокзал и автобан, плотина и рынок – тоже здания, а не жилища. Тем не менее, эти здания находятся в сфере нашего жительствоваания»³⁶, отмечает философ. «Перечисленные здания приючают (behausen) человека. Он обживает их, но все же не живет в них, если под жительствоваанием мы подразумеваем обретение убежища. В условиях сегодняшнего дефицита жилья это уже успокаивает: жилые дома действительно предоставляют убежище»...

31 Мы, со своей стороны, предпринимаем попытку связать проблему массового возникновения не-мест в постсоциалистических городах с социально-политическими процессами в соответствующих обществах. Не-места не только не антропологичны – но они и аполитичны (будучи предназначенными для абстрактного «человека вообще», почти в духе прогрессивистской оптики эпохи Просвещения). Современный город ставит принципиальный вопрос: как сочетать прогресс и аутентичность?

32 По замечанию Норберг-Шульца, феноменология характера [различных сред] должна включать обследование предъявляемых характеров, так же как изучение их конкретных детерминант. «Мы указываем, что разные действия требуют мест с разным характером. Жилище должно быть «защищающим», офис – «практичным», зал для вечеринок – «праздничным», а церковь – «возвышенной». Когда мы посещаем некий город за рубежом, мы бываем потрясены его особым характером, что становится важной составляющей опыта», – поясняет философ.

33 У Хайдеггера мы находим любопытную версию того, какие свойства присущи ein gebautes Ding – построенной вещи (город, конечно, может нами расцениваться как некая построенная вещь). Хайдеггер обращается к примеру моста: мост «по-своему собирает вокруг себя землю и небо, божественных и смертных. Наш язык именуется собрание в его сути одним старым словом “thing”»³⁷. Согласно примечанию переводчика к этому фрагменту, в немецком языке «слово Ding (вещь) происходит из древнеиндоевропейского thing — тинг, народное собрание, вече, публичный процесс, дело». «Построенная вещь» на уровне самого языка отсылает нас к политическому.

34 Наличие пустоты в этом случае не только не противоречит «построенному», а значит, «политическому», но напротив, соотносится с ним: «Raum, Rum означает площадь, очищенную для поселения. Пространство – это что-то освобожденное, допущенное в границу, греческого περας. Граница – это не то, где что-то прекращается, но как определяли ее греки, она есть то, где что-либо начинает свою сущность»³⁸. Агора, вечевая площадь – пусты, не застроены. Их наполнение обусловлено присутствием в их границах политического начала.

35 В связи с этим еще раз обратимся к Хайдеггеру: философ, отвечая на вопрос – а что же такое, собственно, строительство, приходит к выводу, что строительство и жительствоваание – связаны напрямую: «слово “bauen”, соответствующее строительству (bauen) – значит проживать. Это означает:

оставаться на месте. Истинное значение глагола строить, а именно проживать, было потеряно для нас. Но скрытый след этого сохранился в немецком слове “Nachbar”, сосед... дословно ближний житель, тот, кто живет поблизости». Хайдеггер соответственно переводит глаголы *buī, būren, beuren, beuron*: жительство, поселение. «Таким образом, древнегерманское слово *buian* не только напрямую указывает нам, что строить – это значить жить, но и дает ключ к пониманию того как мы должны думать о производном от него – жителстве», заключает философ³⁹.

³⁶ В этом, как представляется, заключен важный момент, соотносящийся с предыдущими рассуждениями. Они затрагивают не только теоретические вопросы, касающиеся городского устройства, средового планирования, качества обжития и т.д., но и вполне практические, насущные проблемы современности: отчуждения человека в среде своего постоянного обитания, фактора тупости, отсутствия механизмов влияния жителей на решения, принимаемые властью в отношении городского планирования и развития и так далее. Отсутствие духа коммунальности, разрушение коротких связей в структурах соседства и нехватка политического начала – взаимосвязанные вещи. Или, по Хайдеггеру: «...*реальная проблема жительство* состоит не только в нехватке квартир. На самом деле бедственная ситуация жительство в действительности старше, чем мировые войны с их разрушениями, более древняя, чем рост населения Земли и проблемы положения промышленных рабочих. Настоящее бедствие заключается в том, что смертные всегда заново ищут природу жительство, но они *должны сначала научиться жить*»⁴⁰.

³⁷ По замечанию Норберг-Шульца, последователя феноменологической традиции применительно к проблемам современной архитектуры, «Экзистенциальная цель строительства (архитектуры) заключается... в том, чтобы побудить территорию стать местом, то есть, раскрыть значения, потенциально представленные в данной среде»⁴¹. Не состоит ли, в таком случае, экзистенциальный смысл города именно в том, чтобы быть *политическим местом*? Если человек все же до той или иной степени *zoon politikon* (не случайно мы начали этот несколько сумбурный текст, обратившись к Аристотелю), то город, несомненно – *topos politikon*. Чем он и являлся изначально. В связи с этим добавим в завершение: в одной из предыдущих статей мы упомянули такое принципиальное свойство городской жизни, как соревновательность, агональность. Агональные практики в городской среде – предмет нашего следующего исследования.

Remarks:

1. Шарова В.Л. Постсоциалистический город: визуальный опыт повседневности как фактор нациестроительства // Полилог/Polylogos, 2022, № 1, том 6. [Электронный ресурс]. URL: [>>>>](#)

2. Аристотель. Физика // Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика / сост. В. Шкода. М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1999. С. 651

3. Там же. С. 652-653

4. Там же. С. 664

5. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля / пер. с нем., предисл., послесл., словари терминов Н.А. Артеменко. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2012. С. 60-61
6. Ищенко Н.И. Понимание пространства присутствия М. Хайдеггером: к онтологии выразительности // Артикульт. 2011. №3. С. 1-12
7. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля / пер. с нем., предисл., послесл., словари терминов Н.А. Артеменко. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2012. С. 60-61, 196.
8. Там же. С. 62
9. Там же. С. 194
10. Перевод хайдеггеровского понятия Wohnen как «жительство» предлагает переводчица эссе, Д. Колесникова, «так как оно наиболее полно отражает процесс повседневного бытия в мире, в области обыденного». См.: Хайдеггер М. Строительство жительство мышление // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. № 1 (17). С. 157-173.
11. См., например: Norberg-Schulz C. Phenomenon of Place // Architectural Association Quarterly. 1976. № 4. P. 3-10 / О феномене, структуре и духе места у К.Норберг-Шульца [Электронный ресурс] >>>> (дата обращения 10.09.2022)
12. Там же.
13. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 32-33
14. В частности, подобные попытки ранее были предприняты автором в ходе осмысления темы пространства в творчестве И.А. Бунина: а именно, в его прозе, созданной в эмиграции и посвященной воспоминаниям писателя-философа о России. См.: Шарова В.Л. Философское осмысление пространства в прозе И.А. Бунина // Философские науки. 2020. Т. 63. № 6. С. 133-145. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-133-145
15. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 32-33
16. Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Юристъ, 1996. С. 227
17. Там же.
18. Согласно определению, данному урбанистом Жаном-Клодом Болэ, трущобы – это состояние городской среды, обусловленное исключительно социоэкономическими и политическими факторами; в случае с «руиной» мы учитываем также и природный фактор, а в ряде случаев полагаем его доминирующим. См.: Bolay J.-C. Slums and Urban Development: Questions on Society and Globalisation. European Journal of Development Research. 2006, June. DOI: 10.1080/09578810600709492
19. Ташян А. Ереван, который мы почти потеряли. Район Конд: трущобы или старый город? [Электронный ресурс] URL: >>>> (дата обращения: 10.10.2022)
20. Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Юристъ, 1996. С. 229
21. Там же. С. 232
22. Мы намеренно не развиваем здесь тему «войны памятников» на постсоветском пространстве, хотя этот сюжет кажется нам в высшей степени релевантным в контексте заявленной темы. Возможно, ему суждено стать предметом отдельного исследования в дальнейшем.
23. Серто М. де. Призраки в городе // Неприкосновенный запас, №2, 2010. [Электронный ресурс] URL: >>>> (дата обращения: 10.10.2022)
24. Там же.
25. В этом месте редактор перевода эссе А. Лазарев уточняет, что де Серто в данном случае использует понятие «жуткое», заимствуя его, в свою очередь, из теории Зигмунда Фрейда: в психоаналитической традиции «жуткое»(Unheimlich) означает то, что было вытеснено в бессознательное и забыто, но затем вновь возвращается в качестве чужого, незнаемого, страшного. См.: Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
26. Vidler A. The Architectural Uncanny. Essays in the Modern Unhomely. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1992. С. IX
27. Лех Ф. Десять мест в Варшаве, которых нет [Электронный ресурс] URL: >>>> (дата обращения: 10.10.2022)
28. Там же.
29. Швитек Г. За железными воротами: излишек памяти и забывание в современном городе // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С.

30. Как известно, термин «призракология» (или «хонтология», как в данном случае) — неологизм, предложенный Жаком Деррида в труде «Призраки Маркса» — сначала имел вполне конкретное применение: а именно, описание особого типа бытия идеи коммунизма. Позже он стал использоваться в расширительном смысле в ряде дисциплин: философии, теории культуры, литературоведении. Мы полагаем, он вполне применим и к области философской урбанистики; в этом смысле мы планируем пользоваться им и далее. См.: Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с франц. Б. Скуратова; общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera, Esse homo, 2006.

31. Швитек Г. За железными воротами: излишек памяти и забывание в современном городе // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 71

32. Этот случай мы могли бы обобщающим образом назвать «Черемушки». Район экспериментальной типовой застройки с таким названием впервые появился на рубеже 1950-х - 1960-х гг. на юго-западе Москвы, но довольно быстро стал нарицательным в масштабах СССР: свои Черемушки есть в Красноярске, Сочи, в других городах бывшего Союза (в частности, в Одессе).

33. Бабуров А., Гутнов А., Дюментон Г., Лежава И., Садовский С., Харитонов З. Новый элемент расселения. На пути к новому городу. М.: Стройиздат, 1966. С. 22. NB: Интересно, кстати, как, по мысли теоретиков НЭР, называлось это перспективное жилое и общественное пространство, реорганизованное сообразно новым принципам городского планирования: «селитьба». Чем не «жительство» Хайдеггера?

34. См. подробнее: Новые районы Москвы / ред. П.А. Володин, А.М. Журавлев, Б.М. Иофан и др. / Академия строительства и архитектуры СССР, Институт теории и истории архитектуры и строительной техники. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960.

35. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с франц. А.Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 26

36. Хайдеггер М. Строительство жительство мышление // Журнал Фронтальных Исследований. 2020. №1 (17). С. 157-173.

37. Там же.

38. Там же.

39. Там же.

40. Там же.

41. Norberg-Schulz C. Phenomenon of Place // Architectural Association Quarterly. 1976. № 4. P. 3-10 / О феномене, структуре и духе места у К.Норберг-Шульца [Электронный ресурс] >>>> (дата обращения 10.09.2022)

References:

1. Aristotel'. Fizika // Filosofiy Grecii. Osnovy osnov: logika, fizika, etika / V. Shkoda (sost.). M.: Eksmo-Press, Har'kov: Folio, 1999.

2. Baburov A., Gutnov A., Dyumenton G., Lezhava I., Sadovskij S., Haritonova Z. Novyj element rasseleniya. Na puti k novomu gorodu. M.: Strojizdat, 1966.

3. Bachelard G. Izbrannoe: Poetika prostranstva / per. s franc. M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004.

4. Derrida J. Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyj internacional / per. s franc. B. Skuratova; obshch. red. D. Novikova. M.: Logos-altera, Esse homo, 2006.

5. Simmel G. Ruina // Zimmel' G. Izbrannoe. T. 2. / per. s nem. M.I. Levinoj. M.: YUrist", 1996. S. 227-233

6. Ishchenko N.I. Ponimanie prostranstva prisutstviya M. Hajdeggerom: k ontologii vyrazitel'nosti // *Artikul't.* 2011. №3.
7. Lech F. Desyat' mest v Varshave, kotoryh net [Elektronnyj resurs] URL: <https://culture.pl/ru/article/desyat-mest-v-varshave-kotorykh-net> (data obrashcheniya: 10.10.2022)
8. Novye rajony Moskvy / red. P.A. Volodin, A.M. ZHuravlev, B.M. Iofan i dr. / Akademiya stroitel'stva i arhitektury SSSR, Institut teorii i istorii arhitektury i stroitel'noj tekhniki. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, arhitekture i stroitel'nym materialam, 1960.
9. Auge M. Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna / per. s franc. A. YU. Konnova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
10. Certeau M. de. Prizraki v gorode // *Neprikosnovennyj zapas*, №2, 2010. [Elektronnyj resurs] URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/prizraki-v-gorode.html> (data obrashcheniya: 10.10.2022)
11. Tashchyan A. Erevan, kotoryj my pochti poteryali. Rajon Kond: trushchoby ili staryj gorod? [Elektronnyj resurs] URL: <https://perito-burrito.com/posts/erevan-kond> (data obrashcheniya: 10.10.2022)
12. Freud S. Zhutkoe // Freud S. Hudozhnik i fantazirovanie. M.: Respublika, 1995.
13. Heidegger M. Stroitel'stvo zhitel'stvovanie myshlenie // *ZHurnal Frontirnyh Issledovaniy*. 2020. №1 (17). S. 157-173.
14. Heidegger M. Fenomenologicheskie interpretacii Aristotelya / per. s nem., predisl., poslesl., slovari terminov N.A. Artemenko. SPb.: Izdatel'skij Centr «Gumanitarnaya Akademiya», 2012.
15. Sharova V.L. Postsocialisticheskij gorod: vizual'nyj opyt povsednevnosti kak faktor naciestroitel'stva // *Polilog/Polylogos*, 2022, № 1, tom 6. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110018979-8-1/> (data obrashcheniya: 02.10.2022)
16. Sharova V.L. Filosofskoe osmyslenie prostranstva v proze I.A. Bunina // *Filosofskie nauki*. 2020. T. 63. № 6. S. 133-145. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-6-133-145
17. Shvitek G. Za zheleznyimi vratami: izlisk pamtyati i zabyvanie v sovremennom gorode // P.S. Landshafty: optiki gorodskih issledovaniy. Sbornik nauchnyh trudov / otv. red. N. Mileryus, B. Koup. Vil'nyus: EGU, 2008. S. 63-82.
18. Bolay J.-C. Slums and Urban Development: Questions on Society and Globalisation. *European Journal of Development Research*. 2006, June. DOI: 10.1080/09578810600709492
19. Norberg-Schulz C. Phenomenon of Place // *Architectural Association Quarterly*. 1976. № 4. P. 3-10 / O fenomene, strukture i duhe mesta u K. Norberg-SHul'ca

[Elektronnyj resurs] <http://archvestnik.ru/2008/09/02/o-fenomene-strukture-i-duhe-mesta-u-k-norberg-shulca/> (data obrashcheniya 10.09.2022).

20. Vidler A. The Architectural Uncanny. Essays in the Modern Unhomely. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1992.

Город как палимпсест: феномен «пустых мест» в городской среде

Шарова Вероника Леонтьевна

Институт философии РАН

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье предпринята попытка в феноменологической оптике проанализировать явление «пустых мест» в городе как специфически организованном пространстве жизни человека. В междисциплинарном духе, на стыке теоретической урбанистики, исследований памяти и политической философии рассмотрено соотношение пространства, места и пустоты в городской среде. Отталкиваясь от концепций Зиммеля, Хайдеггера, Башляра и др., автор приходит к выводу, что город представляет собой род «палимпсеста», память о котором возникает под воздействием не только тех элементов среды, которые существуют в актуальном визуальном опыте повседневности, но и тех, что остаются лишь в формате «руин» или «призраков», обладающих при этом существенным символическим содержанием в контексте повседневного городского ландшафта – в том числе, ландшафта постсоциалистического города.

Ключевые слова: философская урбанистика, феноменология архитектуры, постсоциалистический город, пространства памяти, пространство и место, не-места, руина, призрак, жуткое, *memogination*, память-воображение

Дата публикации: 31.10.2022

Ссылка для цитирования:

Шарова В. Л. Город как палимпсест: феномен «пустых мест» в городской среде // Полилог/Polylogos. – 2022. – Т. 6. – № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110022905-7-1/>. DOI: 10.18254/S258770110022905-7